

Печоры: точки пересечения

Василий Александрович Воробьев ^[1]

✉ q.h.f@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0730-1175

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Наталья Сергеевна Петрова ^{[1], [2]}

✉ pena.talya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

^[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Воробьев, В. А., Петрова Н. С. (2024). Печоры: точки пересечения. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 58–78. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-58-78.

Статья посвящена пограничному региону — городу Печоры Псковской области и его окрестностям. В ходе экспедиции проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» были собраны интервью с местными жителями о значимых для них этапах городской истории и специфике места. В центре внимания — то, как жители понимают феномен границы (в пространственном, геополитическом, межгрупповом и прочих смыслах) и осмысливают пограничность как локальную специфику. В тексте рассказывается об особенностях экспедиции, пришедшейся на осень 2020 года, топонимии и микропонимии города, в котором взаимодействуют три этнических идентичности, смысловых комплексах государственной границы, брендинге города через темы еды и архитектуры, сосуществовании двух основных смысловых комплексов: основного, «для своих и для чужих», и потайного, «в основном, для своих».

Ключевые слова: народная история России, Печоры, пограничье, трансграничный регион

Pechory: Intersection Points

Vasily A. Vorobyov ^[1]

✉ q.h.f@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0730-1175

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Natalia S. Petrova ^{[1], [2]}

✉ pena.talya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:

Vorobyov, V., Petrova, N. (2024). Pechory: Intersection Points. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 58–78. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-58-78.

This article discusses a border town of Pechory in Pskov Oblast and its surroundings. During the fieldwork for the project “People’s History of Russia: Crossroads of Local Civilizations” local residents were interviewed about significant periods in the history of the city and the uniqueness of the area. The focus of the article is on how the residents comprehend the border as a phenomenon (in spatial, geopolitical, intergroup, and other senses) and conceptualize the frontier as a local specificity. The paper reviews the particularities of the aforementioned fieldwork, which took place in the autumn of 2020, the toponymy and microtoponymy of the town where three ethnic identities interact, the conceptual frameworks of the state border, city branding through food and architecture, and the coexistence of two main conceptual frameworks: the primary one, “for our own and for others”, and the hidden one, “mostly, for our own”.

Keywords: people’s history of Russia, Pechory, border, frontier region

Локальная специфика

Задача проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» в 2020–2021 годы заключалась в работе с пограничными областями России. Печоры Псковской области были выбраны в качестве места проведения полевых исследований как один из городов, где различимы периоды истории, связанные с культурой пограничья: он расположен в непосредственной близости от российско-эстонской границы и считается самым западным в России (за исключением Калининградской области). История псковско-эстонской границы насчитывает несколько столетий и этапов: 1) раннесредневековый; 2) средневековый государственный (XIII–XVII века);

3) имперско-губернский (XVIII — начало XX века); 4) межвоенный государственный (1918–1940 годы); 5) советско-республиканский (1940–1991 годы); 6) постсоветский государственный (с 1991 года) (подробнее об этом см. [Манаков, Дементьев 2016]).

С точки зрения устной истории важным оказывается тот факт, что официально Печоры (основанные в 1472 году) только в XX веке (т. е. на живой памяти жителей) несколько раз переходили «из рук в руки», меняя свою государственную принадлежность: по Юрьевскому мирному договору 1920 года город перешел к Эстонии и обрел название *Petseri*, а в 1944 году Печоры стали частью РСФСР и вернули прежнее название. Так территориальная близость дополняется исторической: с одной стороны, Эстония — это ближайшее соседнее государство (пограничный пункт Куничина гора расположен всего в 2,5 км от центра Печор), часть жителей имеет двойное гражданство либо родственников и друзей по ту сторону границы; с другой стороны, период «буржуазной Эстонии» — часть городской истории. По словам одного из информантов, «вообще ощущение, что Эстония — это как бы, да, вот рядом. То есть она... ну, как бы часть Печор. Печоры — часть Эстонии и России одновременно. Вот это вот было ощущение»¹. Город как бы живет на две страны или между ними, что проявляется, среди прочего, в дублировании топонимов, кулинарных и архитектурных заимствований, на примере которых мы и хотели бы рассмотреть пограничную особенность этой местности и ее восприятие горожанами.

Этническую специфику Печор (общей численностью населения менее 10 000 человек) определяет наличие сразу трех основных этнических групп на относительно небольшом пространстве города и окрестностей — русские (псковичи), эстонцы и малая народность сету (другой вариант наименования — сето). По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории Псковской области проживают 648 тыс. человек, из них русских 616 тыс. человек. Также есть данные по сету: из 214 сету, проживающих на территории Российской Федерации, 123 живут в Псковской области. Рискнем предположить, что большая часть из них живет на территории Печор и их окрестностей — в регионе традиционного расселения этой группы. Отметим два важных для нас исследования, посвященных специфике этнической ситуации псковских Печор, одно начала XX века, другое начала XXI века. Первое основывалось на материалах экспедиций писателя Леонида Зурова, проходивших в 1920–1940 годы, и описано в соответствующей статье Ирины Белобровцевой [Belobrovtsseva 2020]. Второе исследование недавнего времени [Новожилов 2009], как и работа Зурова, сконцентрировано прежде всего на народности сету, их корнях и современном состоянии их культуры. Сету же оказались в центре и социально-демографических исследований псковских регионоведов конца 1990–2000-х годов [Манаков, Потапова 2013].

¹ ВГВ, м., 1959 г. р.

Соседство в городе разных этноконфессиональных групп прямо отражается на его религиозной специфике: помимо православия здесь присутствует сетуское православие с уклоном в нью-эйдж практики, также в городе есть лютеране. Это определяет религиозные локусы городского пространства. В городе расположен Псково-Печорский Свято-Успенский монастырь и несколько православных храмов, один из которых (Храм великомученицы Варвары) является сетуским, а также лютеранская кирха Св. Петра и церковь евангельских христиан-баптистов.

Пограничная специфика города проявляется, таким образом, в разных аспектах: территориальном, этническом, конфессиональном, т. е. город одновременно занимает приграничное положение и сам по себе является точкой пересечения разных групп и культурных пластов.

Изучению подобных локусов и фиксации рассказов о них местных жителей был посвящен проект «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», в ходе которого исследователи стремились понять, «как люди разговаривают о территориях, которые никогда не принадлежали только одному государству, о местах пограничных и трансграничных» [Петров, Павлиди 2021: 195]. В теоретическом смысле проект с такой проблематикой сам по себе оказывается пограничным, находясь на стыке между *memory* и *border studies*. Для концептуализации нашего полевого опыта в равной степени важны понятия коллективной (культурной и коммуникативной) памяти [Ассман 2004] и промежуточной идентичности пограничья — смутного и неопределенного места, своеобразной третьей страны, образованной слиянием жизненных сил двух миров [Anzaldúa 1999: 3].

Особенности экспедиции

Время проведения экспедиции (ноябрь 2020 года) совпало с периодом пандемийных ограничений в Псковской области (запреты на проведение сколько-нибудь массовых мероприятий, рекомендации по самоизоляции и ограничению контактов населения и пр.), что затруднило поиск собеседников для интервью: невозможно было провести ознакомительную встречу с жителями города, где мы обычно рассказываем о проекте и приглашаем желающих стать нашими респондентами; спонтанные уличные интервью в этой ситуации также было бы непросто организовать. В связи с этим мы обратились за содействием к сотрудникам Печорской районной библиотеки. Они рекомендовали нам познакомиться с сообществом местных краеведов-любителей. С ними и была записана значительная часть интервью, что во многом определило специфику экспедиции (краеведчески фреймировав ее), хотя мы осознали это далеко не сразу.

Всего за неделю работы в городе участниками экспедиции (В. А. Воробьев, А. Б. Мороз, Н. В. Петров, Н. С. Петрова) было собрано

23 интервью, возраст собеседников от 19 до 105 лет (из них 16 человек старше 63 лет). Большинство респондентов временно или постоянно проживает в Печорах, небольшая часть в окрестных деревнях (Молочково, Козье Загорье и др.), одна из собеседниц переехала в Москву, и интервью с ней было записано уже там. В числе прочих проводились семейные интервью (семьи ВГВ и ВАГ — отец и дочь, ВГН и ВЕЮ — мать и дочь, КВИ и КАА — муж и жена, РРН и ЕХЕ — бабушка и внучка), в которых собеседники не только отвечали на вопросы интервьюеров, но и рассказывали друг о друге (если беседы с ними велись отдельно) или поднимали ранее обсуждавшиеся в семейном кругу городские темы.

Незапланированный краеведческий уклон, заданный нашими библиотечными рекомендателями, сказался и на составе собеседников (преобладают пенсионеры-старожилы города), и на содержании интервью. Заметна установка рассказчиков на «историчность» повествования, т. к. многие из них либо сами проводили архивные изыскания, либо читали краеведческие работы, либо общались с пожилыми горожанами в своих любительских исследованиях локальной истории. Они стремились поделиться с нами в первую очередь именно этими фактическими знаниями, а не собственными эмоциональными переживаниями городского пространства. Что касается биографических нарративов, то наш интерес к «старине» (годам детства и юности респондентов) был им понятен, привычен и побуждал их воспроизводить устоявшиеся, «отшлифованные» нарративы, прошедшие проверку и в дискуссиях краеведческого общества, и в публикациях краеведческих сборников (см., например, [Шувалова 2004–2020]), и в интервью журналистам, тогда как вопросы о каких-то современных реалиях или о неканоничных темах прошлого (детские игры, повседневный быт вместо событийного ряда «большой истории») часто вызывали удивление и воспринимались как отхождение от магистральной линии беседы. Некоторые приходили на интервью с подготовленными (по крайней мере, продуманными) заранее рассказами: «И вот поскольку я в Печорах уже столько лет прожила, вы знаете, я хочу нашу беседу назвать “Умиравший город”. Или даже “Исчезающий город”. Вот как вам ближе покажется. [Ой, очень грустно.] Сейчас объясню почему, вам из моего рассказа станет все очень понятно»².

Такое краеведческое фреймирование экспедиции задало общий тон сборнику избранных текстов, опубликованному по результатам экспедиции [Петрова, Воробьев, Петров 2021]: основная часть материалов оказалась в разделе «Исторические события в устной памяти горожан»: полулегендарная древнейшая история города, эстонский период, Великая Отечественная война, коллективизация, позднесоветский период и распад СССР.

² БНН, ж., 1954 г. р.

Тем не менее, крайне развитое историческое воображение наших собеседников не помешало проявлению в их рассказах о городе воображения географического — осознания роли в их биографиях пограничного пространства, его влияния на взаимодействия между индивидами, группами, организациями. В этой статье мы бы хотели представить город Печоры как особое, приграничное и пограничное место, — переплетенные сети разных субъектов и объектов: людей, групп, организаций, городских локусов, элементов ландшафта.

Топонимия и микротопонимия города

Взаимодействие трех этнических идентичностей в одном городе имеет самые разные выражения: от напластования проявлений культуры разных этносов в одной семье (некоторые русские знают и поют эстонские песни, любой желающий может принимать участие в праздниках сету, сету посещают службы в православной церкви и т. д.) до коллективных драк между двумя этническими группами, живущими в соседних деревнях. Вместе с тем при столкновении с инорегиональными чужаками локальная печорская идентичность покрывает внутренние этнические разграничения — например, печорские русские и эстонцы вместе выступали против приезжих эстонцев в подростковых конфликтах:

Знаете, на нашей... на моей родной Советской улице... [вспоминает] сейчас точно не скажу — семей пять-семь эстонцев жило. Естественно, в каждой семье были ребятишки — мальчишки и девчонки. Играли вместе, дрались, как и все, вместе. Ну как — попинаешься, всё, и опять играем. Вот. Но чуть постарше когда стали — там лет 14–15, значит — и приезжали, значит, эстонцы (ну, будем говорить так, в общем-то, все-таки какое-то было территориальное деление союзных республик), значит, вот именно из деревень, там вот Выморска [Võmmorski] близлежащая деревня, тут буквально, там... ну, не знаю — два километра, три до нее... вот, оттуда, значит, приезжали в Печоры и ехали по нашей улице, значит. Ну, естественно, мы задирались, они отвечали. Это вот наши эстонцы — они были за нас, они с нами. [Смеется.] Мы гоняли тех, приезжих эстонцев³.

Постоянная смена гражданства Печор выявляет двойственность города, выражающуюся в сосуществовании его русского и эстонского названий: Печоры (Печёры, Пещеры) и Петсери. Особенно ярко соседство проявилось в атрибутике ко Дню русской песни в Печорах в 1939 году (т. е. в эстонский период города), оба названия соседствовали на этих сувенирах (см. *Илл. 1*).

³ РНБ, м., 1947 г. р.

Илл. 1. Деревянные ложка и стакан, изготовленные ко Дню русской песни в Печёрах (Петсери) (1939). Фото А. Б. Мороза

Илл. 1. Wooden spoon and glass, made for Russian Culture Day in Pechory (Petseri) (1939). Photo by A. B. Moroz

Актуальное название города — Печоры, оно используется в локальном узусе, но крайне редко в интервью со старшими собеседниками обходилось без упоминания альтернативного топонима, связанного с эстонским периодом истории псковских Печор. При этом ойконим «Петсери» все-таки начинает покидать узус, это подтверждается практически полным отсутствием катойконима «петсерский»: всегда употребляется «печорский», что относится как к жителям, так и к предметам. Другие катойконимы, связанные с местными этническими группами — «эстонский» и «сетуский», не привязываются непосредственно к городу. Ойконим «Петсери» и его дериваты постепенно выходят из употребления и в разговоре с самым молодым собеседником вовсе не встречались.

О возможном возвращении ойконима «Петсери» говорить не приходится, поскольку исторически прозрачный ойконим восходит к Пещерам и тяготеет к Печорам, а Петсери является топонимом временным, относящимся к эстонскому периоду истории (1920–1930-е годы),

и потому подверженным забвению, а не активно существующим в памяти горожан. Эту ситуацию можно описать как «конфликт разных уровней коллективной памяти» — мифической предыстории, формализованной культурной памятью, с одной стороны, и памятью коммуникативной, живущей в устных рассказах о непосредственном опыте трех-четырех поколений [Ахметова 2021: 64; Ахметова 2020]. В случае Печор с культурной памятью связан топоним Печоры (Пещеры), а с памятью коммуникативной — Петсери.

Самый «ходовой» катойконим после слова «печорский» в собранных интервью — это «советский». Употребление этого катойконима в Печорах имеет довольно специфическую семантику, не столько историческую, сколько идентифицирующую: «советский» здесь был «чужим» человеком, который приехал из других стран или городов Советского Союза. Печоры в этом смысле были обособлены как с эстонской стороны, так и со стороны советской России.

А мама моя из советских. <...> В Печорах не любили советских. Имя у них было только одно — «она». Вот там вот: «Ну, ее и спроси». Имя нет, Валя там или Катя. «Она, ее и спроси». Это... и без имени. Советская и всё. Ну, зла не делали, ничего⁴.

Не меньшую двойственность, также под знаком забвения по прагматическим причинам, имеет микротопонимия. Это прежде всего проявляется через годонимы (названия улиц):

Вот эта улица сейчас называется Международная, и в мое детство называлась Международная. Ну, исторически улица у монастыря называлась Монастырская — да, это естественно. Да, Рабочая. Вот она была Смоленская. После, когда пришла Эстония в [19]20-м, она стала называться Кюла, Свечная. Потом городское управление переименовывает ее в улицу Поская. Ну, и после войны... а Поская — это как Псковская, вот. А нет. Ну, она отсюда, да, она раньше шла⁵.

Годонимы часто встречаются в разговорах с собеседниками, но их упоминания носят довольно специфический характер. Некоторые улицы Печор исторически имеют более двух названий и предполагают перевод годонимов эстонского периода на русский язык. Например, нынешняя Рабочая улица до 1920-х годов была Смоленской улицей, в эстонское время она называлась Кюнла⁶, что переводили как Свечная улица. В одном из разговоров между собеседниками из одной семьи (отцом и дочерью ВГВ и ВАГ) разгорелся спор о правильном переводе названия улицы эстонского времени, что особенно интересно — разговор проходил на той самой улице, о которой говорили. Сейчас это улица Проценко, в эстонское время называлась Киви, и собеседники спорили о переводе: Каменная или Кирпичная⁷.

⁴ РРН, ж., 1950 г. р.

⁵ КАН, ж., 1958 г. р.

⁶ От эст. küünla — «свеча».

⁷ От эст. kivi — «камень, каменный».

Три годонима, явно появившиеся во времена СССР, сохранились до нашего времени, но были другими, видимо, еще до революции, и сохранились в активной памяти некоторых горожан — это нынешние улицы Гагарина, Международная и Ленина. До этого они носили иные названия и были привязаны к основным объектам города: улица Кирочная, на которой стоит печорская кирха; улица Монастырская, связанная с ключевым городским объектом — Псково-Печорским монастырем; улица Вокзальная, которая просто переместилась и теперь ведет к станции Печоры-Псковские.

Изменчивость одного годонима ступенчато вариативна и зависит от одного топонима. Сейчас — это улица Мира, которая ведет к эстонскому городу Выру, но когда-то улица называлась Верроской, поскольку в советское время сам город назывался Верро.

Интересен также один гидроним (название водного объекта) Печор, но в то же время и Эстонии. «Печоры стоят на Пачковке, великая печорская река»⁸. Но Пачковка впадает в речку, непосредственно находящуюся на русско-эстонской границе, и поэтому имеющую два названия одновременно: по-эстонски — Пиуза, а по-русски — Пимжа.

Топонимия Печор имеет, таким образом, три исторических пласта: дореволюционные топонимы, топонимы периода эстонских Печор (Петсери), топонимы советского времени и современности, которые перемежаются между собой в памяти наших собеседников.

С топонимикой связывается также «песня о Печорах», которую передала одна из наших собеседниц, сопроводив следующей историей: «Вот я взяла... не знаю, то ли, но давно-давно мне таможник... Ну, знакомый мой, принес вот такое стихотворение о Печорах. Это как бы народное. У меня сейчас... наши даже не знают, спрашивают: “А кто написал?”. Я говорю: “Ну, мне дал Семенов”»⁹. Все это обсуждалось в контексте песенного творчества о Печорах, и сам текст в большей степени походит на песенный, хотя и характеризуется как стихотворение.

Берлин, Нью-Йорк, или Париж,
Москву, Пекин или Канберру
С моим, конечно, не сравнишь,
Да это ни к чему наверно.

И всё же, всех других милей
Мой небольшой районный город.
Среди пригорков и полей
Любимые мои Печоры.

Здесь все мне верные друзья.
Здесь все знакомые, родные.
Печоры — родина моя,
Священный уголок России.

⁸ ВГВ, м., 1959 г. р.

⁹ ЯВС, ж., 1932 г. р.

Содержательно текст является смесью разных форм городской (и не только) песенной традиции. Значительно сходство с популярными советскими песнями о городах (ср., например, популярнейшую песню о Москве «Лучший город Земли» на стихи поэта Леонида Дербенева). Множественные упоминания экзотических топонимов связывают текст с филоэзотическим слоем городских песен [Неклюдов 2008]. В целом содержание стихотворения сводится к воспеванию Печор, что сближает ее с возвеличивающими малую родину «песнями о деревне», выделяющими свой локус среди других населенных пунктов¹⁰. Дополнительно это подчеркивается топонимическим сравнением в самом начале текста и во многом связывает «песню про Печоры» с «песнями о Родине», которые были сверхпопулярны в советское время, но в локальном тексте не потеряли своей актуальности вплоть до недавнего времени.

СМЫСЛОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Притом что основным фреймом в сознании говоривших с нами жителей является русская («своя») культура (отметим, что в наших материалах всего два интервью с сету и вовсе не представлены печорские эстонцы), эстонская культура постоянно дает о себе знать, хотя и является для большинства чем-то «чужим». Поддерживается это, видимо, нынешней государственной границей, хотя она редко является непреодолимым препятствием для жителей, поскольку многие из них имеют гражданство Евросоюза и легко ее пересекают¹¹. Кроме того, пограничный пункт для старожилов выступает чужеродным новшеством, ведь они застали времена, когда граница была не государственной, а административной — между советскими республиками: «А раньше-то там таможни не было, это построено в [19]90-е годы, таможня-то. Строили тоже... иностранцы строили нам. А так ходили просто через речку, и всё. Мы в той речке купались, где вот сейчас проходит граница»¹².

Граница в рассказах горожан может выступать как в качестве «друга», так и в качестве «врага». С одной стороны, на границе находится печорский duty free, который часто посещали печеряне, как в частном порядке (для себя), так и для перепродажи купленных товаров (прежде всего алкоголя). Пересечение российско-эстонской границы открывает путь не только в Эстонию, но и в другие европейские страны:

[А часто ездили в Эстонию?] Раньше — да. За вещами, за едой. Вот особенно за едой: за сыром, за хлебом, за колбасой, там она вкусная у них. [Про-

¹⁰ Подробнее о коммеморации и ностальгии в песнях о деревне см. статью [Лурье 2020].

¹¹ Ситуация, характерная для времени проведения исследования. - прим. ред.

¹² ЯВС, ж., 1932 г. р.

сто семьей собирались и ехали в Эстонию, чтобы что-то купить?] Да, да. Погулять там по старому городу. Как-то через Эстонию ездили в Швецию, тоже там недалеко¹³.

С другой стороны, граница — это опасная территория: на границе есть пограничники, потенциально враждебные (ими даже пугают детей). Опросы жителей Печорского района, проводившиеся псковскими регионоведами, показывают, что рост настороженности к ближней загранице временно поднимался в 2003–2006 годы в связи с вхождением Эстонии в Евросоюз и Шенгенскую зону, вызвавшим ужесточение визового режима для россиян [Манаков 2016].

Государственная граница в осмыслении печерян — это система, состоящая из множества элементов. Организационно она представлена русским и эстонским пограничными пунктами, а также печорским *duty free*, которые встроены в различные вышеописанные социальные взаимодействия.

Отдельные люди также по-особому взаимодействуют с границей. Такие контакты описаны как в рассказах наших собеседников, так и в мемуарной литературе. Часто взаимодействие носит негативный характер, вот два подобных примера.

И какая-то часть молодежи [жившей в эстонском Петсери], которые смотрели на... на русскую землю, на Псков, на Троицкий собор в бинокль (через Псковское озеро можно было в ясную погоду различать русскую землю), вот. Которые тосковали, мечтали вернуться в Россию, в какой-то момент, значит, эта молодежь, втайне сговорившись, не сообщая об этом ни родителям, ни друзьям, только, так сказать, эта компания знала, отправились, значит... отправились ночью к советской границе. Подлезли под колючую проволоку. Какое-то время, так сказать, еще тихо прошли. А потом, поняв, что они на вот свободной советской земле, они выпрямились. Распрямили грудь и запели «Широка страна моя родная». <...> И тут появились пограничники¹⁴.

Такова история первой половины XX века, которая произошла на государственной границе. В качестве комплекса здесь выступают и сама граница, и пограничные войска, и люди, переходящие границу без санкции. Наш собеседник намекает на то, что всех ребят, которые решили перейти границу, скрутили пограничники — это один из примеров негативного социального взаимодействия на границе.

Второй сходный случай описан в мемуарном наброске, посвященном смерти профессора Тартуского университета, Юрия Михайловича Лотмана.

Город Тарту, некогда Дерпт, когда-то Юрьев, уже не первый год был за границей. <...> В шесть утра поезд остановился, резко и прочно, как останавливаются на государственном рубеже. Печоры Псковские. <...> Почему нам суждено было проститься именно здесь, в пограничных Печорах. <...> Оказалось, они возводят российско-эстонскую границу. <...> Пора было

¹³ ЕХЕ, ж., 2002 г. р.

¹⁴ ВГВ, м., 1959 г. р.

возвращаться в Печоры Псковские, родные пограничные Печоры. И хотя я еще долго потом вздрагивала при самом беглом и фигуративном употреблении слова «граница» [Седакова 2005: 79, 95, 110].

Национализм на этом пространстве, которое постоянно изменяло собственные границы, принимая во внимание тот факт, что многие жители Печор имеют двойное гражданство, мы можем назвать «воображаемым»: «Воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон 2016: 47]. Такова и «возведенная» суверенность Печор и их границы, зависящая от многих факторов и способная как создавать, так и рушить различные социальные сущности. При любых действиях, связанных с государственной границей — постоянное перемещение границы (например, присоединение Печор то к России, то к Эстонии), запреты на пересечение границы, закрытие границ на время пандемии — каждый раз возникают новые практики социального взаимодействия, продиктованные особым отношением сторон к этому пространству. Часто они негативны не только из-за противоправных действий (см. примеры выше), но и из-за «возведенной» суверенности каждой из сторон, которая предполагает изначально отрицательное отношение к мыслимому противнику по ту сторону границы.

БРЕНДИНГ ГОРОДА ПЕЧОРЫ: ЕДА И АРХИТЕКТУРА

Два взаимосвязанных процесса конца 1990-х — начала 2000-х годов: изменение схемы финансирования регионов и мода на брендирование территорий — привели к тому, что «в России начинается воспроизводство новых смыслов, текстов и практик, связывающих местность с определенными символами, товарами и услугами» [Петров 2018: 4]. Мода на брендинг не обошла стороной и Печоры, причем именно в процессе формирования локальных символов «на сбыт» стираются все социальные и этнические границы, создаются компиляции. Брендинг реализуется через два основных комплекса — пищевой и архитектурный.

В создании пищевого комплекса печорских брендов задействованы механизмы памяти: в нем переплетаются прошлое и настоящее. Прошлое — это воспоминания о том, что было, например, в формате сетований по разрушенному производству, которые, вслед за Нэнси Рис, можно оценивать как существенный элемент проживаемой горожанами новейшей истории Печор: «Сетования, которые можно было слышать в Москве в годы перестройки, являлись не только и не просто реакцией на текущие события; они были — и я надеюсь это показать — “типичны” и потому составляли существенный элемент самих событий» [Рис 2005]. В случае Печор «сетования» обращены на прошлое в связи с настоящим (и тем самым соотносимы с фольк-

лорным мотивом утраченного «золотого века») и сближаются с еще одним жанром, выделенным Нэнси Рис в повседневном дискурсе — «разговорами о полной разрухе». Сетования по утраченному производству — это нарратив практически всех собеседников из Печор, который посвящен «умирающей» промышленности и тому, что раньше производство работало хорошо, а теперь все умирает и закрывается. Одним из таких объектов стал печорский хлебокомбинат, а также его кондитерский цех. Рассказы о том, что раньше там изготавливались такие продукты питания, которых теперь уже нет, но это было самое вкусное из того, что собеседники когда-либо пробовали и что являлось печорским сувениром («эстонцы приезжали», «Мы даже привозили в Москву из Печор»), были важной частью многих интервью:

А хлеб... наш хлебокомбинат — это хлеб, это равного этому нет. И эстонцы приезжали, тут же кондитерская... Вот хлебозавод — там кондитерский цех был. Там лимонад делали «Буратино». Тоже такого нет. Вот такие конфеты. Типа чупа-чупса, только вот такие вот они длинные, «Карандаши» называли¹⁵.

А еще хлебокомбинат делал конфеты «Карандаши». Вот это легендарные были конфеты печорские. Их мы даже привозили в Москву из Печор, потому что это доставляло удовольствие. Такие длинные в виде карандаша. Прослойка карамельная была винтом закручена, и в фантике. В Печорах делались такие, на нашем хлебозаводе¹⁶.

Помимо вышеупомянутых, среди уникальных местных пищевых товаров рассказчики называли укропное масло и зеленый сыр, а также печорские помидоры, которые «больше нигде нельзя купить». Все эти продукты относятся собеседниками к прошлому и вспоминаются как исключительно печорский товар, ныне утраченный.

Настоящее в пищевом комплексе представлено ресторанами и рынком, здесь при брендинге прежде всего стираются этнические границы, поскольку надо любыми доступными способами привлечь внимание покупателей к организации. Так, на сайте ресторана «Черная кошка», популярного у туристов места, расположенного в центре города, в двухстах метрах от главной достопримечательности — Псково-Печорского монастыря на заглавной странице написано: «Попробуйте традиционный *сетуский пирог* (здесь и далее выделение наше — В. В., П. Н.) или закажите *судака печорского улова*»¹⁷. «Судак печорского улова» свободно соседствует в социальном пространстве ресторана с сету пирогом и сету виски. А рынок (в большей степени ориентированный на горожан, нежели на туристов) предлагает, с одной стороны, блюдо сету — *mulgikapsad* (мульгикапсад, «блюдо богатых»: смесь капусты, перловки и свинины) или *setu sõir* (сетуский сыр с пажитником и тмином), а с другой стороны, «те самые печорские помидоры», о

¹⁵ РРН, ж., 1950 г. р.

¹⁶ ВГВ, м., 1959 г. р.

¹⁷ <https://visitpechory.ru/restaurant.html>

которых писали выше, во всех возможных вариациях. Так «сетуский» и «печорский» становятся контекстуальными синонимами в значении «местный» и этническая специфика нивелируется локальной принадлежностью.

Создание комплекса пищевых брендов происходит за счет насаждения социальных сущностей «особых» продуктов питания в разные среды, но с единой интенцией — привлечение как «своих», так и «чужих» к формированию и последующей поддержке локальной идентичности. А поскольку брендинг это одновременно и поиск локальной идентичности, то печорский случай собирает несколько локальных идентичностей в одну для лучшего продвижения символов-брендов в городской среде.

Похожим образом строится архитектурный брендинг города. Архитектурный ансамбль Печор создает сеть из городских объектов, некоторые из них выступают как городские бренды. Есть две группы архитектурных элементов, благодаря своей отнесенности к эстонскому периоду в истории места ставших своего рода символами города — это водостоки в стиле модерн (четыре водостока на весь город) и балконы в виде башенок (около десяти домов с балконами). Многие архитектурные бренды являются эстонскими — это здания из эстонского кирпича, а также здания эстонского времени (например, больница, дворец культуры, здание суда, кирха и лингвистическая гимназия, в которой в настоящее время преподают эстонский язык):

А на облик... Вот после... Ну, на архитектурный, когда эстонцы сюда пришли, они, конечно, много построили здесь сразу. Знаете, город-то был такой, знаете, заштатный. Типа такого... те были, такой дом... Вот рядом, если пойдете, где **Домик стрельца**, да, а рядом **Домик мещанина**. Так вот, типа таких домов были все. А тут уже стали и каменные появляться. И построили вот **кирху**, построили **гимназию**, где сейчас **детский дом**-то семейный. Построили **Дом культуры** же. **Здание** суда было, банка, где сейчас администрация находится¹⁸.

Эстонский период в истории города в целом описывается в ностальгических тонах даже теми, кто лично его не застал: «эстонский порядок», «расцвет культуры» и прочие позитивные характеристики преобладают в рассказах об этом времени.

Три архитектурных объекта можно особо выделить: они являются символами города сами по себе, независимо от их этнической или культурной приуроченности. Во-первых, дом купца Русакова, выделяющийся тем, что построен из дерева, поскольку Русаков был лесопромышленником, по словам одного из собеседников — «дом с деревянной историей»¹⁹. Во-вторых, Лютеранская кирха, которая имеет особый статус еще и потому, что в ней расположен старинный орган, на котором приезжают играть музыканты из разных мест, и город собирается на концерт. В-третьих, важным, но чуть менее значимым для

¹⁸ ЯВС, ж., 1932 г. р.

¹⁹ ВЕЮ, ж., 1993 г. р.

наших собеседников местом является Водонапорная башня в самом центре города. Сейчас к ней пристроена пельменная, и некоторые собеседники сокрушались тому факту, что сама башня никак не используется. При этом башня значима в городском пространстве (в том числе как ориентир) и многие горожане рассказывают туристам про этот объект.

Описанная выше городская архитектура представляет собой «эстонский бренд» в пограничном городе. Это жители приняли: часто в наших беседах можно услышать высказывания о том, что эстонская архитектура исчезает, хотя она очень важна для города и формирует его целостный облик. Так создается «эстонская идентичность» архитектурного облика города, который собирается из самих объектов и рассказов горожан и дополнительно подкрепляется тем, что об этом говорят экскурсоводы и пишут книги краеведы.

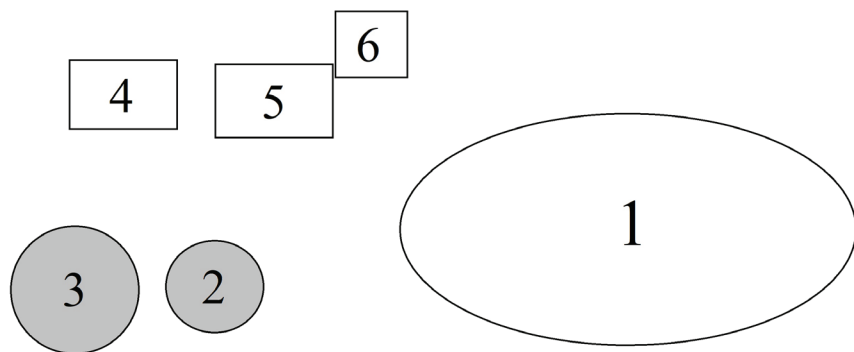
Основной и потайной городские комплексы

По всей видимости, в городе действительно существуют два основных смысловых комплекса с разделением на «в основном, для своих» и «для своих и для чужих». Первый комплекс — это Печорская районная библиотека, а второй — Псково-Печорский монастырь. Разведение этих комплексов объясняется их взаимодействием с другими социальными субъектами и объектами.

Комплекс библиотеки направлен практически исключительно на читателей, горожан. Она имеет статус скорее культурного центра, чем просто библиотеки, и занимается проведением различных мероприятий с социальным взаимодействием: издание краеведческих книг ([Шувалова 2004–2020] и др.), собирание собственного архива по истории Печор, проведение детских мероприятий, встреч с известными горожанами, выставок и многого другого. Библиотека тяготеет именно к «своим», поскольку такая изначальная интенция организации. Она имеет свой набор социальных контактов, который не будет распространяться на «чужих», хотя и может расширить поле. Библиотека притягивает и другие внутригородские сообщества, которые организуют там свои мероприятия. Например, общество краеведов, которое проводит довольно частые заседания, состоит из профессиональных экскурсоводов и краеведов, полупрофессиональных краеведов — хранителей локальной памяти (прежде всего, библиотекарей), а также из «простых» горожан, приглашаемых на заседания, поскольку они обладают собственной памятью о городе. Заседания общества краеведов «собирают память», (ре)конструируют ее, эксплицируя коллективный «городской текст», направленный прежде всего внутрь городского сообщества, но иногда выходящий и за его пределы (в том числе обществом издаются книги, прежде всего «для своих», но если появится возможность, их можно предъ-

явить и «чужим»²⁰). Именно поэтому библиотека — это потайной комплекс для «своих».

Комплекс монастыря — дело совсем другое. Если изобразить монастырь схематически (см. Илл. 2), то он подразделяется на пространства «скорее для своих» и «скорее для чужих», в нашей схеме первые помечены серым, остальное — белым цветом.

Илл. 2. Схематическое изображение Псково-Печорского монастыря (1) и других зданий монастырского комплекса: 2 — Храм великомученицы Варвары; 3 — Храм Сорока мучеников Севастийских; 4 — Церковная лавка; 5 — Музей монастыря; 6 — Монастырский буфет

Илл. 2. Schematic representation of the Pskovo-Pechersky Monastery (1) and other buildings of the monastery complex: 2 — Church of the Great Martyr Barbara; 3 — Church of the Forty Martyrs of Sebaste; 4 — Church shop; 5 — Monastery museum; 6 — Monastery canteen

Пункты 2 и 3 относятся к «своим» пространствам, поскольку это небольшие храмы, каждый из которых имеет своих прихожан, все они друг друга знают и хорошо знакомы священнику. Храмовая и библиотечная среды в полной мере соответствуют мысли Георга Зиммеля о том, что «...жизненная сфера малого города по преимуществу ограничена им самим» [Зиммель 2018: 100]. Два важных городских объекта (примонастырские храмы и библиотека) — места притяжения жителей Печор. Они ограничены собой, их взаимодействие с людьми (не горожанами) и их социальное пространство сужено.

Даже территория вокруг монастыря является «особым» местом для своих, имеющим нетипичную функциональность. Помимо городских чудачков, как раз характерных для монастыря и его окрестностей, территория, прилегающая к монастырю (например, овраг за монастырем) является важным местом для влюбленных (парочек), а также на подходах к монастырю часто располагаются распивающие алкоголь, которые сродни городским чудачкам, но все-таки имеют иной статус и предусматривают иные функции для территории вокруг монастыря:

²⁰ С демонстрацией «чужим» мы столкнулись впоследствии, когда вернулись в Печоры и привезли в библиотеку изданную книгу [Петрова, Воробьев, Петров 2021]. Ответным жестом одна из наших собеседниц подарила сборники трудов печорских краеведов. Книги на сбыт в данном случае реализуются по модели сбалансированной реципрокности, т. е. книга за книгу.

[А есть какие-то в городе места, районы со своей какой-то вот репутацией. Плохой или хорошей. Какие-нибудь места для влюбленных?] Ну, вот влюбленные мы, молодежь, ходили все время за монастырь. Там вот овраг. Слушать трели соловья. [Смеется]. [Интересно.] Вот туда ходили, вот это всегда. Школьники после окончания, значит, вот когда школы, то же самое. После вечера, когда уже всё, прошли торжества, все они тоже всегда ходили туда. [В овраг?] Да, вот именно за монастырь, туда тоже ходили все вот в овраг. Там трели соловья. Потому что это весна, соловьи поют [смеется]. <...> [Ну, а еще какие-нибудь места? Например, алкоголиков?] [Смеется]. [Есть у них места свои в городе?] Они часто очень около этой, Тайловской башни собирались там, и там же оставались спать. Около **монастыря**. Там, знаете, за бастионом не видно, от дороги подальше к оврагу, вот²¹.

Дислокация «маргинального» элемента показывает, как важен монастырь, и особенно важен для «своих», которые тянутся к монастырю, предусматривая и создавая вокруг этого значимого объекта новые функциональные возможности.

Другой пример «присвоения» монастыря через изменение его функционала мы встречаем в детских практиках, где монастырская территория выступает в качестве игровой площадки:

Вот все наши игры — у монастыря, за монастырем. Если мы играли в казаки-разбойники, то, конечно, в монастырских стенах — делали стрелки, рисовали мелом. <...> Вообще справа от монастыря, где монастырские стены заканчиваются — там овраг и склон, мы в основном там катались на санках. Но там были вот такие бутры. А фишкой было — скатиться с этой «кровавой горки» зимой²².

Здесь мы видим, что пространство монастыря осваивается местными детьми как обыденное, а не религиозное (хотя и в описываемый в цитате советский период он не переставал быть действующим) или историческое, буквально обыгрывается в игровых практиках (ср. аналогичные примеры применительно к московскому Зарядью [Куприянов, Садовникова 2009: 384]).

Остальные пункты (1, 4, 5, 6) в комплексе монастыря гораздо больше тяготеют к «чужим», поскольку их капитал социального взаимодействия в большей степени направлен на паломников или туристов²³ — это основной архитектурный ансамбль Псково-Печорского монастыря, торговые и выставочные объекты. Именно эти объекты имеют больший потенциал к социальному взаимодействию, поскольку здесь круг этих взаимодействий довольно широк. Тут и торговые отношения с паломниками и туристами, и выставочное пространство, с которым могут взаимодействовать как приезжающие, так и горожане, так же, как и с самим монастырем.

²¹ ЯВС, ж., 1932 г. р.

²² КАН, ж., 1958 г. р.

²³ Местные жители разделяют эти две категории чужаков и разводят их по времени появления: «Сюда все приезжают, туристы очень много. Но знаете, вот первоначально, когда первоначально приезжали, может быть, паломники настоящие, верующие, они оставались здесь на несколько дней, что-то помогали. А сейчас чисто вот только чтоб посмотреть. Сейчас уже нет такого рвения» (ЯВС, ж., 1932 г. р.).

Туристы и местные жители могут по-разному воспринимать городские объекты, это хорошо иллюстрирует печорский Титов камень, который имеет несколько основных планов восприятия у местных жителей и у туристов. Для местных жителей камень имеет два названия: Титов камень для взрослых, Китов камень для детей: «На самом деле он был в честь Тита какого-то. А дети называли Китов, потому что он большой был и похож на кита»²⁴. Здесь мы видим пример наивной этимологизации, замены неясного названия по созвучию визуально объяснимым. Для горожан камень прежде всего связан с именем праведника Тита, который лечил людей, и лечебные свойства камня известны как местным жителям, так и туристам. Для местных это привязано к дате — 1 апреля, когда камень будто бы нагревается и приобретает целительные свойства. Но у горожан камень погружен в дополнительные исторические контексты: вокруг камня жители праздновали Радуницу, устраивали гуляния; это был межевой камень (для раздела земель); также есть сюжетный эсхатологический контекст, согласно которому Тит просил беречь камень: «А хотя есть такая версия: Тит говорил, что, ну, “берегите камень, что не будет... уйдет камень — типа закончится жизнь”. Это вот из легенд уже»²⁵.

Для туристов существует два основных плана восприятия камня: во-первых, это уже указанный лечебный, заимствованный от местных жителей, прежде всего — экскурсоводов, транслирующих эту функциональную возможность объекта в своих нарративах; а второй связан скорее с локальным брендингом и, вероятно, также продвигается экскурсоводами: камень исполняет разнообразные желания. Такова социальная сущность и набор контекстов взаимодействия для одного из важнейших околмонастырских объектов.

Комплекс монастыря имеет самое высокое число социальных взаимодействий по сравнению с другими объектами городского пространства, поскольку его первым посещает любой турист, а горожане бывают там с разной степенью регулярности. Здесь же, в окрестностях монастыря, велико число горожан из разных слоев населения (просителей милостыни, торговцев, других горожан), ведь монастырь является местом социального притяжения, в том числе — организацией, которая может обеспечивать многих горожан рабочими местами. Вторая часть монастыря во многом предназначена для «чужих» (символ-бренд), но важна и для «своих» и является наиболее выраженным центром социальных взаимодействий города Печоры.

²⁴ ВГВ, м., 1959 г. р.

²⁵ КАН, ж., 1958 г. р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для местных жителей Печоры являются местом пересечения разных региональных (печеряне и «советские», местные и туристы) и этнических (русские, эстонцы, сету) групп, прошлого и настоящего временных пластов. При этом границы внутренних групп легко преодолеваются при их противопоставлении группам внешним: деление на горожан и жителей окрестных деревень или русских, сету, эстонцев отходит на второй план при столкновении с «чужаками». «Свои», печорские — это и горожане, и жители Молочково или Козьего Загорья, противопоставляемые приехавшим из других областей страны «советским». Жители города вне зависимости от их этнического самоопределения являются «своими» в противовес «чужим» туристам. При привлечении внимания последних через создание городских — печорских — брендов в ход идут и эстонские, и сетуские достопримечательности (архитектурные, пищевые).

Границы хорошего и плохого времен в рассказах горожан также подвижны: при общем ностальгическом настрое и многообразных вариациях мотива утраченного «золотого века» прошлое величие vs нынешний упадок — это и эстонский период vs советский, и советский vs постсоветский. В какой-то мере популярные у наших собеседников краеведческие изыскания можно назвать попытками преодолеть временные границы, сохранив память о прошлом в настоящем.

Историчность (как вписанность в «большую историю») и пограничное положение (как главный повод такой вписанности) подчеркиваются в качестве ключевых особенностей города в его официальных презентациях. Так, официальный сайт Печорского района сообщает, что «Печоры — старинный русский город-крепость Псковской земли, служивший надежной защитой северо-западных рубежей Русского государства»²⁶. В этом тезисе рубеж-граница выступает в своем барьерном, отделительном значении, тогда как в рассказах жителей о своих Печорах город представлен как зона трансграничных взаимодействий и перемещений. Для печерян граница — и очевидная государственная, и воображаемая межгрупповая — это прежде всего контактность и преодоление барьеров.

Литература

- Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. [Пер с. Anderson, B. (1983). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso]. М.: Кучково поле.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. [Пер. с нем. М. М. Сокольской]. М.: Языки славянской культуры.
- Ахметова, М. В. (2020). Исторический ойконим как альтернативное название города (случай Покровска/Энгельса). В *Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междуна-*

²⁶ <https://pechory.reg60.ru/orajone/istorija>

- родной научной конференции, 99–106. Кострома: Костромской государственный университет.
- Ахметова, М. В. (2021). Забыть Фридриха Энгельса: память и забвение в ойконимии. *Шаги / Steps*, 7(1), 57–82. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82
- Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. [Пер. с нем. К. Левинсона]. М.: Garage.
- Куприянов, П. С., Садовникова, Л. В. (2009). Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья). *Антропологический форум*, 2009(11), 370–407.
- Лурье, М. Л. (2020). Потерянный рай: ностальгия и коммеморация в песнях о родной деревне. *Этнографическое обозрение*. № 6, 31–51. DOI: 10.31857/S086954150013120-2
- Манаков, А. Г. (2016). Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области. В В. Н. Стрелецкий (Ред.). *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России, 190–198*. М.: Эслан.
- Манаков, А. Г., Дементьев, В. С. (2016). Становление российско-эстонской границы на псковском участке. В В. Н. Стрелецкий (Ред.). *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России, 199–208*. М.: Эслан.
- Манаков, А. Г., Потапова, К. Н. (2013). Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по результатам исследований 1999–2011 гг.). *Этнографическое обозрение*, 2013(2), 177–187.
- Неклюдов, С. Ю. (2008). Русский горожанин поет о далеких странах: «филоэксотический» слой городской баллады. В В. В. Иванов, А. С. Архипова*, М. В. Ахметова (Ред.). *Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе. Ч. 1. Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских*. Калининград: РГУ им. И. Канта, 158–171. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).
- Новожилов, А. Г. (2009). Население Псково-Печорского края как этнолокальная группа. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2, 2009(3), 94–110.
- Петров, Н. В. (2018). Брендинг городов в междисциплинарной перспективе. В Н. В. Петров, М. В. Ахметова, М. И. Байдуж (Сост.). *Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда*, 4–9. М.: Неолит.
- Петров, Н. В. (Автор), Павлиди, Я. И. (Инт.). (2021). «Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России». *Фольклор и антропология города*, IV(1–2), 192–201.
- Петрова, Н. С., Воробьев, В. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей – Печоры: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Рис, Н. (2005). *Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки* [Пер. с англ. Nancy, R. *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. Cornell University Press]. М.: Новое литературное обозрение.
- Седакова, О. А. (2005). В Тарту и обратно. В О. А. Седакова. *2 путешествия*, 71–111. М.: Логос; Степной ветер.
- Шувалова, В. А. (Сост.) (2004–2020). *Не прервется связь времен: Материалы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке*. Вып. 1–8. Печоры: [б.и.].
- Anzaldúa, G. (1999). *Borderlands / La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.
- Belobrovtsseva, I. (2020). Seto people in the expedition diaries and literary Works of a Russian émigré Leonid Zurov. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*, 2020(79), 59–70. DOI: 10.7592/FEJF2020.79.belobrovtsseva

References

- Anderson, B. (2016). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Assman, Ya. (2004). *Cultural Memory: writing, remembrance, and political Imagination in the high cultures of antiquity*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian).

- Ahmetova, M. (2020). Former oikonym as an alternative name (a case of the town Pokrovsk/ Engels). In *Onomastics of the Volga region: materials of the XVIII International Scientific Conference*, 2, 99–106. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russian).
- Ahmetova, M. (2021). To forget Friedrich Engels: Memory and oblivion in oikonymy. *Shagi / Steps*, 7(1), 57–82. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82
- Anzaldua, G. (1999). *Borderlands / La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.
- Belobrovtsseva, I. (2020). Seto People in the Expedition Diaries and Literary Works of a Russian Émigré Leonid Zurov. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*, 2020(79), 59–70. DOI: 10.7592/FEJF2020.79.belobrovtsseva
- Kupriyanov, P., Sadovnikova, L. (2009). The place of memory in the memory of the locals: Cultural meanings of urban space (based on interviews with residents of the Moscow region). *Forum for Anthropology and Culture*, 2009(11), 370–407. (In Russian).
- Lurie, M. (2020). Paradise Lost: nostalgia and commemoration in songs about the native village. *Ethnographic review*, 2020(6), 31–51. (In Russian). DOI: 10.31857/S086954150013120-2
- Manakov, A. The border factor in the life of the population of the western districts of the Pskov region. In V. Streletsky (Ed.). *Socio-economic, geopolitical and socio-cultural problems of the development of the border regions of Russia*, 190–198. Moscow: Eslan. (In Russian).
- Manakov, A. G., Potapova, K. N. (2013). An ethnic-social portrait of the Pechorskii district, Pskov region (through case studies of 1999–2011). *Ethnographic review*, 2013(2), 177–187. (In Russian).
- Manakov, A. G., Dement'ev, V. S. (2016). Formation of the Russian-Estonian border on the Pskov section. In V. N. Streleckij (Ed.). *Socio-economic, geopolitical and socio-cultural problems of the development of the border regions of Russia*, 199–208. M.: Eslan. (In Russian).
- Nekljudov, S. (2008). A russian citizen sings about distant countries: the “philo-exotic” layer of the urban ballad. *Geopolitics and russian diasporas in the Baltic region. Part 1. Humanitarian aspects of the problem: russians through russian eyes*, 158–171. Kaliningrad: Russian state University named after Immanuel Kant. (In Russian).
- Novozhilov, A. (2009). The population of the Pskov-Pechory Region as an ethnolocal group. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2(3), 94–110. (In Russian).
- Petrova, N., Vorobyov, V., Petrov, N. (2021). *The City in the stories of people – Pechory: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrov, N. (2018). Branding of cities in a interdisciplinary perspective. In N. Petrov, M. Ahmetova, M. Bajduzh (Comp.). *Imaginary Territory: From local identity to brand*, 4–9. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrov, N. (Auth.), Pavlidi, Ya. (Int.). (2021). “A life you’ve been allowed to briskly touch”: Nikita Petrov about individual memory and the project “The People’s History of Russia”. *Urban Folklore & Anthropology*, IV(1–2), 192–201. (In Russian).
- Ries, N. (2005). *Russian Conversations: Culture and Everyday Speech of the Perestroika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sedakova, O. (2005). To Tartu and back. In O. Sedakova. *2 Travels*, 71–111. Moscow: Logos; Steppe wind.
- Simmel, G. (2018). *The Metropolis and Mental Life*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Shuvalova, V. (Comp.). (2004–2020). *The connection of times will not be interrupted: Materials of the Society of Local Historians at the Pechory Regional Library. Issues 1–8*. Pechory. (In Russian).